На правах рукописи

ЧЖУН Жуй

ТИБЕТСКИЙ ФАКТОР В КИТАЙСКО – ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история. (Новое и новейшее время)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва 2016

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учереждении высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель	кандидат исторических наук, доцент **Китинов Баатр Учаевич**
Официальные оппоненты	**Лунев Сергей Иванович**, доктор исторических наук, ФГАОУ ВО Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, профессор кафедры востоковедения
	Толмачев Юрий Олегович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений
Ведущая организация	ФГБУН Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Защита диссертации состоится «___» _____ 2017 года в __ часов на заседании диссертационного совета Д 002.042.04 по историческим и политическим наукам на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения РАН по адресу: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН Институт востоковедения РАН по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12 и на сайте www.ivran.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук Шарипова Р.М.

© ФГБУН Институт востоковедения РАН, 2017

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации обусловлена динамичным развитием отношений между такими странами-цивилизациями, как Китайская Народная Республика и Республика Индия. Среди причин, оказывающих важное воздействие на их взаимодействие, автором выделены пограничные проблемы, особенно в ее восточной части, и религиозный фактор.

Текущая динамика отношений между КНР и Индией требует глубокого анализа и научного осмысления опыта их взаимодействия, начиная с обретения ими независимости в середине прошлого века. Особенность ситуации заключается в том, что спустя немногим более 10 лет после обретения независимости они столкнулись в пограничном конфликте, и между ними сохраняются спорные вопросы и территориальные претензии. Большую роль в развитии такого сценария сыграл тибетский фактор, он до сих пор оказывает сильное воздействие на развитие китайско-индийских отношений, теснейшим образом связанных с проблемой границ. Актуальность исследования объясняется также переменами, происходящими в их отношениях с приходом новых руководителей в этих странах, а также инициативами Далай-ламы. В настоящее время достигнут определенный прогресс в таких межгосударственных сферах, как политическое, культурное, экономическое взаимодействие. Однако по ряду позиций сохраняются разногласия, содержащих в себе негативный потенциал: прежде всего, это проблема приграничных территорий, общей площадью до 130 тыс. кв. км.

Тибет, с 1950 г. находящийся в составе КНР, остается значительным спорным вопросом. До сих пор индийская сторона считает, что мирное освобождение Тибета не имело законной силы, что это событие стало возможно ввиду неверной оценки ситуации премьером Дж. Неру и напористости китайской стороны. Последовавшие события (бегство Далай-ламы, война 1962 г.) значительно охладили отношения между этими соседними странами. Во многих смыслах Тибет, как и фигура Далай-ламы, имеет важное значение для КНР, Индии, ряда других стран. Одну из особенностей современной ситуации в китайско-индийских отношениях следует соотнести со спорной территорией – Южным Тибетом （Zang nan) (китайское определение, этот регион в настоящее время входит в состав индийского штата Аруначал-прадеш; в его составе находится местность (также город) Таванг), в т.ч. и в связи с проблемой нахождения следующего Далай-ламы, т.к. Таванг (Da wang) – это единственное место инкарнации одного из далай-лам, находящееся за пределами КНР. Китайская сторона соотносит с Тавангом вопросы безопасности и стабильности в Тибете в целом. Таким образом, под «тибетским фактором» автор понимает местность Таванг и личность Далай-ламы, их роль и значение в китайско-индийских отношениях.

С Тибетом и китайско-индийскими отношениями соотносится и «тибетская проблема» (тибетский вопрос), которая понимается по-разному, и, если не затрагивать глобальный контекст столкновения или взаимодействия цивилизаций (китайской и тибетской), то в целом ее сводят к вопросу о достижении независимости[1] (либо широкой автономии), возврату Далай-ламы и беженцев обратно на Тибет, и многоплановой реабилитации (культуры, территории и т.п.). Эта проблема осмысляется в нескольких парадигмах, где в основе – конфликт по поводу статуса Тибета по отношению к Китаю и за право представительства тибетского народа и его истории[2].

Таким образом, обозначенные ситуации и факторы определяют крайнюю актуальность исследования. Решение проблем, связанных с тибетским фактором, позволит сторонам решить многие задачи как регионального, так и внутригосударственного значения, также развивать отношения между собой. Следует также указать на заинтересованность России в стабилизации отношений между ними, в т.ч. ввиду наличия в РФ народов, исповедующих тибетский буддизм, поскольку Далай-лама является для них духовным лидером.

Степень разработанности темы. Китайско-индийские отношения давно являются предметом изучения исторической науки, однако современные процессы и тенденции нуждаются в новых исследованиях. Надо отметить, что местность Таванг и проблема инкарнации Далай-ламы, в контексте развития отношений между КНР и Индией, еще не были предметом специального исследования в российской исторической науке.

Объект исследования: китайско-индийские отношения с середины прошлого века до начала текущего столетия. **Предмет** исследования: тибетский фактор в отношениях между КНР и Индией. **Цель** исследования – определение роли местности Таванг и Далай-ламы в пограничной проблеме, а также в развитии китайско-индийских отношений в целом.

Задачи исследования:

- проанализировать отношения между Китаем и Индией в первой половине XX в., в т.ч. причины, обусловившие появление Линии Макмагона (ЛМ) (Mai ke ma hong xian);

- исследовать конкретно-исторические обстоятельства и причины, повлиявшие на формирование современной китайско-индийской границы;

- раскрыть причины, ход и результаты пограничного конфликта (войны) между КНР и Индией в 1962 г., проанализировать его историко-политический контекст;

---

[1] Dennis Cusack. Tibet's War of Peace: A Nation's Nonviolent Struggle for Freedom. Berkeley, 2008.

[2] Гарри И.Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете. Автореф. дисс… д.и.н. Улан-Удэ, 2009. С. 1.

- изучить китайско-тибетские отношения, а также взаимодействие Далай-ламы с центральным правительством Китая;

- вскрыть обстоятельства, определяющие Таванг как значимый фактор в разрешении пограничной проблемы, и его роль в китайско-индийских отношениях;

- определить и изучить конкретно-исторические причины, обуславливающие роль и значение Далай-ламы как влиятельного фактора в отношениях Китая и Индии, в т.ч. в контексте поиска его следующей инкарнации.

Хронологические рамки исследования: период с 1940-х гг. по начало 2016 г. В 1940-х гг. Китай и Индия обрели независимость, формировали межгосударственную границу и утверждали власть на окраинах. Для решения отдельных вопросов нижняя граница опускается к началу XX в. Определение верхних границ исследования связано с современными событиями, влияющими на отношения между этими странами ввиду актуализации тибетского фактора.

Методологической основой исследования стали принципы историзма, общая теория научного познания (объективность, обобщение, анализ, синтез, сравнение, актуальная связь с общественно-политической практикой). Возможности системного подхода использовались на основании работы А.И. Ракитова[3], методология исторического исследования – на базисе труда В.А. Дьякова[4]. Такие виды анализа, как конкретно-исторический, проблемный, логический, структурно-функциональный, контент-анализ позволили выявить динамику китайско-индийских отношений в контексте актуализации тибетского фактора, и роли в этом процессе отдельных лиц и институтов. Объективность проведенного исследования определяется использованием разного плана документов (договоры, соглашения, воспоминания и т.п.), в их комплексном анализе. Цивилизационный подход позволил учесть роль культурных, религиозных и иных данных китайской и индийской цивилизаций на практику межгосударственных отношений[5].

Обзор источников и литературы

Следует отметить, что по отдельным вопросам имеется значительный пласт источников и литературы, по иным – немного, что вызвано особенностями исторического и политического развития Китая и Индии, степенью разработанности вопросов и т.п. Значительных успехов в изучении китайско-индийских отношений достигли российские и западные ученые.

Источники

---

[3] Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982.

[4] Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

[5] India-China Relations. Civilizational perspective. Ed. by Wang Shuying and B.R. Deepak. New Delhi, 2012.

Источниковую базу можно разделить на несколько групп источников.

Первая группа - это документальные материалы: сборники документов и отдельные издания, затрагивающие отношения между Китаем и Индией в разные периоды истории, содержащие тексты договоров, соглашений и других документов, по которым принимались те или иные решения по Тибету. К этой же группе следует отнести соответствующие документы, изданные в других странах, в т.ч. и в России; анализ их содержания позволяет увидеть динамику развития тибетской проблемы и роли отдельных исторических личностей.

Из изданий на русском языке привлекает внимание подборка документов по истории русско-тибетских отношений, с точки зрения русских дипломатов раскрывающая специфику ситуации в Китае и Тибете, в частности, условия, при которых тибетские правители добились определенной автономии от центрального правительства[6]. Вместе с тем, документы подтверждают роль и значение центральных властей Китая в управлении Тибетом, особенности отношений между далай-ламами и цинскими правителями. При написании диссертации использовались также программные документы КПК, решения съездов КНР, речи лидеров КНР, изданные в СССР и РФ в разные годы на русском языке[7].

Немало источников имеется на английском языке. Автором использованы тексты соглашений и договоров между Китаем и западными странами[8]. Важная подборка документов по теме Тибета в индо-китайских отношениях представлена на личном сайте К. Арпи, европейского ученого, специалиста по истории Индии и Гималаев, проживающего в Индии[9]. Хороший обзор источников по западному участку китайско-индийской границы представлен в статье А. Ламба[10].

Вторая группа – мемуары и воспоминания тех, кто участвовал в событиях 1962 г. и позже. Критический анализ позволяет отметить известный субъективизм, но, тем не менее, они представляются ценными источниками, т.к. отражают историческую обстановку, объясняют особенности событий, характеризуют вклад действовавших лиц в развитие ситуации.

---

[6] Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900-1914. М., 2005.

[7] Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954 – 1958 гг.). М., 1959; XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: документы. Пекин, 1982; XIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: документы. М., 1988; Цзян Цзэминь. Реформа, развитие, стабильность. Статьи и выступления. М., 2002; Доклад Ху Цзинтао на XVIII съезде КПК. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html и др.

[8] Treaties, etc. between Great Britain and China, and between China and foreign powers, and orders in Council, rules, regulations, acts of Parliament, decrees, etc, affecting British interests in China. London, 1908. Vol. 1.

[9] URL:http://www.claudearpi.net/index.php?nav=documents&lang=1

[10] Lamb, Alastair. Treaties, Maps and the Western Sector of the Sino-Indian Boundary Dispute. 1965. Aust. YBIL. P. 37-52. URL: http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ayil1965&div=7&id=&page=

В КНР опубликовано немного воспоминаний и документов по войне 1962 г. и проблеме Тибета. В частности, это мемуары Ву Лэнси[11] и Лей Инфу[12]. Последний был зам. директора Оперативного Департамента Главного штаба НОАК (Zhong guo ren min jie fang jun). В своих воспоминаниях они отмечают специфику событий, под влиянием которых и принимались решения. Важными являются сборники документов, в которых Тибет занимает особенное место[13].

Из индийских источников большое значение имеют мемуары индийских военных[14]. В книге генерала Ашока Вермы «Реки молчания» на стр. 37, 44-45 и др. даны карты расположения сил конфликта к 20 октября 1962 г. Интересная работа написана Дж. Далви, который был командиром бригады, участвовал в боях с 8 сентября по 20 октября. Он описал события тех лет день за днем[15]. Гурдип Сингх был командиром 1-го Сикхского батальона. В его мемуарах даны карты, хронология событий, рассмотрена специфика китайской тактики и стратегии, дается описание вооружений и др.[16] На наш взгляд, он наиболее комплексно, среди работ других участников событий, изучил ход событий войны, особенно в Восточном секторе.

Третья группа – труды китайских и индийских политиков, где тибетский фактор дан как важный для развития китайско-индийских отношений. Они были действующими участниками изучаемых событий, и их работы также могут быть определены как мемуары.

Развитие и состояние китайско-индийских отношений, в т.ч. в контексте Тибета, получили соответствующее преломление в работах прежних и нынешних лидеров Китая: Председателя Мао Цзэдуна[17], премьера Чжоу Эньлая[18], в которых Тибет предстает как часть единого Китая, а тибетская религия – как часть его культуры. По мнению премьера Дж. Неру, война 1962 г. и последовавшие события обусловлены экспансионистским характером руководителей КНР; он рассматривает ситуацию с позиций давних связей Индии и Тибета, роли гималайского региона в истории своей стра-

---

[11] Wu Lengxi. Yi Mao zhuxi: Wo qinshen jingli de ruogan zhongda lishi shijian pianduan. Beijjing, 1995. [Ву Лэнси. Вспоминая Председателя Мао: мое участие в ряде важных исторических событий].

[12] Lei Yingfu. Zai zuigao tongshuaibu dang canmou: Lei Yingfu huiyi lu. Nanchang, 1997. [Лей Инфу. Член Верховного командования: воспоминания генерала Лей Инфу].

[13] О тибетском вопросе. Пекин, 1959; A Collection of historical archives of Tibet. Cultural relics publishing House, 1990.

[14] D. K. Khullar. When generals failed: the Chinese invasion: abdiction from battle, Tawang, Sela, and Bomdila, 1962. Manas Publications, 1999; Major Gen Ashok Kalyan Verma. Rivers of Silence: Disaster on River Nam Ka Chu, 1962 and the Dash to Dhaka across River Meghna during 1971. BPR Publishers, 2001.

[15] J. P. Dalvi. Himalayan Blunder: The Curtain-raiser to the Sino-Indian War of 1962. Natraj Publishers, 1997.

[16] Gurdip Singh Kler. Unsung Battles of 1962. Spantech & Lancer; 1995.

[17] Mao Zedong xizang gongzuo wenxuan. Beijing, 2001. [Избранные работы Мао Цзэдуна по тибетским делам]; Jianguo yilai Mao Zedong wengao. Beijing, 1987, Vol. 1. [Записки Мао Цзэдуна со времени основания Народной Республики] .

[18] Zhou Enlai waijiao wenxuan. Beijing, 1990. [Дипломатические документы Чжоу Эньлая]; Zhou Enlai junshi huodong jishi, 1918–1975. T. 2. Под ред. Liu Wusheng, Du Hongqi. Beijing, 2000. [Хроника военной активности Чжоу Эньлая, 1918-1975,Т.2].

ны[19]. Полезным для понимания решений Дж. Неру было ознакомление с воспоминаниями Б. Муллика, главы разведки индийской армии[20].

Важные источники стали выходить в КНР с конца прошлого века. В них, в частности, приводятся статистические данные, показана динамика развития Тибетского автономного района (ТАР) (Xi zang zi zhi qu) и т.п.[21] Автор привлекает к работе труды Далай-ламы[22], как одного из наиболее важных участников изучаемых событий. Интерес представляют его воспоминания о встречах с Мао Цзэдуном и Дж. Неру, предложения по нормализации ситуации на Тибете, выступления и интервью, где он высказывает свое мнение о Таванге и будущей инкарнации[23]. Не так давно Далай-лама высказался за продолжение диалога с центральным правительством и выразил надежду на скорое разрешение тибетской проблемы[24].

Таким образом, к работе привлечены разнообразные источники, при этом автор делал акцент как на документы, так и на воспоминания акторов, также изучалась информация СМИ.

Литература

Ученые КНР довольно поздно начали исследовать проблемные участки в китайско-индийских отношениях, только с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Несмотря на малое число таких работ, они в целом охватывают наиболее принципиальные вопросы этих отношений и влияние на них тибетского фактора. В литературе история, развитие и перспективы этих отношений рассматриваются с выделением роли пограничной проблемы, где Тибет имеет важное значение.

Хуан Сянпин является одним из немногих китайских специалистов, изучающих историографию пограничной проблемы. Он отмечает, что, в отличие от индийских специалистов, в Китае «изучающих эти вопросы ученых немного, результатов тоже сравнительно немного»[25], и выделяет три этапа в китайских исследованиях: 1-й – в 1980-х гг., когда «ученые исследовали китайско-индийские пограничные вопросы в контексте проблемы Тибета или китайско-индийских отношений, и специальных исследо-

---

[19] Неру Джавахарлал. Открытие Индии. В 2-х тт. М., 1989.

[20] B.N. Mullik. My Years with Nehru: The Chinese Betrayal. New Delhi, 1971.

[21] Dangdai zhongguo de xizang T.1. Beijing, 1991. [Современный китайский Тибет]; Wang Guozhen. Zhongguo xizang 2005: shishi yu shuzi. Beijing, 2005. [Ван Гочжэнь. Китай: Тибет 2005: Факты и цифры].

[22] Далай Лама XIV. Моя страна и мой народ. М., 2000; Далай-лама. Политика доброты. М., 1996.

[23] Statement of His Holiness the Dalai Lama to all Tibetans. URL: http://www.dalailama.com/messages/tibet/statement-of-his-holiness; Dalai Lama. Reincarnation. URL: http://www.dalailama.com/messages/statement-of-his-holiness-the-fourteenth-dalai-lama-tenzin-gyatso-on-the-issue-of-his-reincarnation

[24] Dalai Lama Hopes China will Solve Tibet Issue. URL: http://www.newindianexpress.com/nation/Dalai-Lama-Hopes-China-will-Solve-Tibet-Issue/2014/02/05/article2039876.ece#.UvMnY-VVzuo

[25] Huang Xiangping. Zhonngyin bianjie wenti yanjiu zongshu.Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 3. 2005. С.80. [Хуан Сянпин. Обзор исследований китайско-индийского пограничного вопроса// Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2005. Третий квартал].

ваний пограничного вопроса не было»[26]. Как значимые он выделяет книги Ян Гунсу «Иностранные проблемы китайского Тибета» и Гэн Яня «Ретроспектива и перспективы китайско-индийских отношений». В трудах 1990-х гг. более внимания уделялось пограничному вопросу, тема Тибета менее акцентировалась – такова особенность 2-го этапа. Наконец, 3-й этап начался с конца 1990-х гг., когда вновь актуализировался тибетский фактор в контексте пограничной проблемы.

Использованная нами литература будет рассмотрена с позиций представленности в них исследуемых нами проблем, хотя все они тесно переплетены между собой. Научных исследований по теме диссертации немало, поэтому мы поделили ее на три группы. В ***первой группе*** – публикации в КНР и Индии, они даны по заглавиям «Китайско-индийские отношения и пограничная война» и «Тибетский фактор: Таванг и Далай-лама».

Китайско-индийские отношения и пограничная война

Китайские ученые уделяют большое внимание Индии, ее политике и перспективам китайско-индийских отношений. Чжао Вэйвень изучает полувековой период развития отношений между КНР и Индией, исходя из содержания документов, определявших статус отдельных спорных регионов[27]. Интересы Чжан Миньцю – предыстория и развитие отношений между этими странами[28]. Одним из наиболее признанных экспертов является Ван Хунвэй, который системно изложил историю отношений между Британской Индией и цинским Китаем, между КНР и Индией, события 1962 г., положение Тибета в китайско-индийских отношениях и др.[29] Им использованы много источников и карт.

Чжао Ганьчжэн писал, что политическое значение подъема Индии заключается, прежде всего, в росте влияния ее дипломатии[30]. Сюй Янь проанализировал причины войны, ход боевых действий и результаты[31]. С 2000-х гг. пограничной проблеме вновь стало уделяться внимание; так, вышеназванный Чжан Миньцю[32] исследовал попытки обеих стран добиться ее мирного разрешения и причины, обусловившие решение руководства КНР начать военные действия.

---

[26] Там же.

[27] Zhao Weiwen. Yinzhong guanxi fengyun lu (1949-1999). Beijing, 2000. [Чжао Вэйвень. Хроника визитов в китайско-индийских отношениях (1949-1999)].

[28] Zhang Minqiu. Zhongyin guanxiyan yanjiu 1947-2003. Beijing, 2004. [Чжан Миньцю. Исследование китайско-индийских отношений 1947-2003].

[29] Wang Hongwei. Dangdai zhongyin guanxi pingshu. Beijing, 2009. [Ван Хунвэй. Рассуждения о современных китайско-индийских отношениях]. См. также: Wang Hongwei. Ximalaya shanqingjie: zhongyin guanxi yanjiu. Beijing, 1998. [Ван Хунвэй. Чувство Гималаев: исследование китайско-индийских отношений].

[30] Zhao Gancheng.Yindu daguo diwei yu waijiao. Shanghai, 2009. [Чжан Ганьчжэн. Статус Индии и ее дипломатии].

[31] Xu Yan. Zhongyin bianjie zhi zhan lishi zhenxiang. Hong Kong, 1993. [Сюй Янь. Подлинная история китайско-индийской пограничной войны].

[32] Zhang Minqiu. Zhongyin guanxi yanjiu 1947-2003. Beijing, 2004. [Чжан Миньцю. Исследование китайско-индийских отношений 1947-2003].

Как признают китайские специалисты, их работы по китайско-индийской пограничной проблематике в целом не столь основательны, как аналогичные иностранные труды. Для этого, по Хуан Сянпину, есть две основные причины: 1. немало документов еще не опубликовано, 2. КНР выиграл войну довольно быстро, пограничный вопрос не вызвал широкую озабоченность народа. Для Индии фактор 1962 г. имел долговременное воздействие, что и определило количество и качество индийских исследований[33]. Примерно то же следует отметить и в части изучения роли тибетского фактора в развитии китайско-индийских отношений.

В индийских исследованиях преобладало мнение, что тибетский фактор играл в китайско-индийских отношениях едва ли не заглавную роль, т.к. основной причиной последующих событий, в т.ч. войны 1962 г., стал захват коммунистическим Китаем «независимого» Тибета. Таким образом, в индийской исторической науке тибетский фактор оказался тесно связан с 1962 г. И лишь с конца 1990-х гг. стали появляться работы, критикующие политику прежнего руководства Индии за отсутствие комплексного подхода к переменам в соседнем государстве. С. Ранганатхан и В. Кханна изучают особенности индийско-китайских отношений, обращая внимание на роль третьих стран, как граничащих с Индией и Китаем, так и более отдаленных[34]. Одно из последних значимых исследований по индо-китайским отношениям – коллективная монография «Индо-китайские отношения» под ред. Ягамы Редди[35].

Чаще всего из периодических изданий тему войны затрагивает «Журнал оборонных исследований» Индийского института оборонных исследований и анализа: это статьи Руп Нараян Дас[36], Рахула Бхонсле[37]. Шринатх Рагхаван пришел к заключению, что «фундаментальная проблема состоит в том, что у них (военных – Ч.Ж.)… не было единодушного профессионального суждения по ситуации»[38]. Кешав Мишра рассматривает историю индо-китайских отношений с изучения политики Англии в Тибете[39]. Пограничную проблему в западном секторе изучает А.Г. Нурани[40].

---

[33]Huang Xiangping. Zhonngyin bianjie wenti yanjiu zongshu. Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 3. 2005. С. 82. [Хуан Сянпин. Обзор исследований китайско-индийского пограничного вопроса// Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2005. Третий квартал].

[34] Ranganathan C.V., Khanna V.C. India and China: The Way Ahead after "Mao's India War". New Delhi, 2000.

[35] India China Relations. Changing Profile in the 21st Century. Ed. By Y. Yagama Reddy. New Delhi, 2012.

[36] Rup Narayan Das. The Stormy Parliamentary Debates of 1962// Journal of Defence Studies. 2012. Vol. 6. Iss. 4.

[37] Rahul K. Bhonsle. Strategic Lessons of 1962: A Contemporary Retrospective// Journal of Defence Studies. 2012. Vol. 6. Iss. 4.

[38] Raghavan, Srinath. A Bad Knock: The War with China, 1962// A military History of India and South Asia: From the East India Company to the Nuclear Era. Edited by Daniel P. Marston and Chandar S. Sundaram. London, 2007. P. 161.

[39] Keshav Mishra. Rapprochement Across the Himalayas: Emerging India-China Relations in Post Cold war period (1947-2003). Kalpaz Publications, 2004.

Шрути Пандалай пессимистично оценивает долгосрочное влияние пограничного спора: «1962 г. продолжает преследовать китайско-индийские связи независимо от климата переговоров между правительствами»[41]. В целом исследование индийской политики в отношении КНР занимает видное место у индийских ученых.[42]

Война 1962 г. и китайско-индийские отношения тесно связаны с Тибетом и Далай-ламой, поэтому последующая группа исследований также охватывает все эти темы.

Тибетский фактор: Таванг и Далай-лама

Один из наиболее важных вопросов, изучаемых китайскими учеными –принадлежность Тибета (в т.ч. и Таванга) Китаю. В целом позиция КНР дана в издании «Современный китайский Тибет», где отмечается, что Тибет стал частью Китая еще во времена династии Юань.[43] Одним из первых, начавших изучать проблему Таванга, был Люй Чжаои. В своей работе он охватывает широкий круг источников по истории юго-запада Китая[44]. Лю Сюечэн больше внимания уделяет отношениям между постцинским Китаем и английской Индией, установлению ЛМ, особенно в районе Таванга[45]. Вэй Лин в отношениях между Китаем и Индией выделяет последовательные этапы: дружбы, конфликта, пограничной войны, урегулирования отношений, современное состояние; по его мнению, самые сложные проблемы – это пограничный вопрос и проблема Тибета.[46]

В «Ежеквартальном журнале исследований Южной Азии» Сычуаньского университета выходят аналитические материалы с акцентом на тибетскую проблематику: Фан Минсин изучает тибетский аспект китайско-индийских отношений в первой четверти XX в.[47], Чэнь Цзидун выделяет

---

[40] A.G. Noorani. India-China Boundary Problem, 1846-1947: History and Diplomacy. Oxford University Press, 2011

[41] Shruti Pandalai. Enduring Legacy of 1962: Cementing the Conflict of Perceptions in Sino-Indian Ties// Journal of Defence Studies. 2012. Vol 6. Issue 4. P. 223.

[42] Harsh V. Pant. The China Syndrome: Grappling with an Uneasy Relationship. New Delhi, 2010.

[43] Dangdai zhongguo de xizang. Beijing, 1991. T. 1. C. 40–43. [Современный китайский Тибет].

[44] Lu Zhaoyi. Yingdiguo yu zhongguo xinan bianjiang 1774-1911. Beijing, 1996. [Люй Чжаои. Британская империя и пограничные районы юго-западного Китая 1774-1911].

[45] Liu Xuecheng. The Sino-Indian Border Dispute. New York, 1994; Liu Xuecheng. Look Beyond the Sino-Indian Border Dispute// China Report. 2011. Vol. 47. № 2.

[46] Wei Ling. Lengzhan hou zhongyin guanxi yanjiu. Beijing, 2008. [Вэй Лин. Исследование китайско-индийских отношений после холодной войны].

[47] Fan Mingxing, Qingmo minchu zhongying (yin) guanxi zhong de xizang wenti --- Qingmo minchu zhongguo zhengfu weihu xizang zhuquan de nuli. Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 4. 2011. [Фань Минсин. Проблема Тибета в китайско-британских (индийских) отношениях в конце династии Цин и начале КР - Усилия китайского правительства по сохранению суверенитета над Тибетом в конце династии Цин и начале КР// Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2011. Четвёртый квартал].

необходимость скорейшего открытия Тибета миру[48]. Имеются исследования по развитию Южного Тибета, к ним следует отнести статью Ли Тао и Ван Синью[49]. Чжао Беньхао рассматривает военную силу Индии[50]. Трудности в отношениях после ядерного испытания Индии в 1998 г., рассмотрены Чжан Ли[51]. Он также связал Таванг со стабильностью в Тибете[52].

В индийской исторической и политической науке тема роли тибетского фактора и Далай-ламы во взаимоотношениях обеих стран является одной из самых животрепещущих. По А. Мазумдару, вопрос о Тибете – среди основных причин неудачи в разрешении пограничного спора[53]. С. Бхутани изучает влияние тибетского фактора на индо-китайские отношения, и критически оценивает их взаимодействие за последние десятилетия[54]. По А. Бхаттачарьи, ввиду актуализации тибетского фактора в индо-китайских отношениях, правительству следует задуматься о судьбе тибетоязычой диаспоры в пост-Далай-ламский период[55]. Р. Сикри уверен в перспективном воздействии тибетского фактора на отношения между Индией и Китаем[56]. Р. Калха считает: индийская сторона не позволит тибетскому вопросу негативно воздействовать на дружбу между двумя странами[57]. В целом его мнение совпадает с мнением Б. Трипати: у Дж. Неру не было продуманной политики в отношении Тибета и возможных осложнений в

---

[48] Chen Jidong. Xizang kaituo nanya shichang de zhongyaoxing. Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 3. 2003. [Чэнь Цзидун. Важность развития рынка в Южной Азии для Тибета// Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2003. Третий квартал].

[49] Li Tao, Wang Xinyou. Zhongguo Xizang yu linguo jian de bianmao yanjiu: xianzhuang,wenti yu qianjing. Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 2. 2011. [Ли Тао, Ван Синью. Исследование торговли между Тибетом и Южной Азией: Статус, проблемы и перспективы// Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2011. Второй квартал].

[50] Zhao Benhao. Maixiang 21 shiji de yindu jundui. Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 1. 2000. [Чжао Беньхао. Индийская армия в 21-ом веке// Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2000. Первый квартал].

[51] Zhang Li. Cong gaoceng fangwen kan yingxiang jinqi zhongyinguanxi zouxiang de zhuyao yinsu. Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 2. 2001. [Чжан Ли. Факторы, влияющие на отношения между Китаем и Индией: о визитах на высшем уровне// Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2001. Второй квартал].

[52] Beijing believes unrest in Tibet linked with Tawang: Zhang Li. 14.05.2015. URL: http://www.business-standard.com/article/current-affairs/beijing-believes-unrest-in-tibet-linked-with-tawang-zhang-li-115051301282_1.html

[53] Arijit Mazumdar. India-China Border Dispute: Centrality of Tibet// Economic and Political Weekly. Vol - XLI No. 41, October 14, 2006. URL: http://www.epw.in/commentary/india-china-border-dispute-centrality-tibet.html

[54] Sudarshan Bhutani. A Clash of Political Cultures: Sino-India Relations (1957–62). New Delhi, 2004.

[55] Abanti Bhattacharya. Chinese Nationalism and the Fate of Tibet: Implications for India and Future Scenarios// Strategic Analysis. March 2007. Vol. 31. № 2; Abanti Bhattacharya. As China prepares for post-Dalai Lama Tibet, what is India to do with the Tibetan Exiles? URL: http://www.idsa.in/idsacomments/AsChinapreparesforpost-DalaiLamaTibetwhatisIndiatodowiththeTibetanExiles_abhattacharya_250310

[56] Rajiv Sikri. The Tibet Factor in India – China Relations// Journal of International Affairs. Spring/Summer 2011. Vol. 64. № 2.

[57] R.S. Kalha. Tibet as a Factor in Sino-Indian Relations Past and Present// Journal of Defence Studies. 2012. Vol. 6. Iss. 4. P. 12.

этом направлении[58]. Таким образом, очевидно, что тибетский аспект индийской политики довольно полно изучен индийскими учеными, в том числе – и отношения между Далай-ламой и руководством Индии[59].

Довольно детально различные аспекты индийско-китайских отношений, в том числе роль Тибета, с учетом влияния западных стран, изучает уже упоминавшийся выше К. Арпи[60].

Ряд публикаций в Индии затрагивает нашу тему в контексте развития штата Аруначал-прадеш, куда входит Таванг[61]. В них отмечается, что одной из главных фигур развития ситуации там выступает Далай-лама. Ряд ученых соотносит стабилизацию индо-китайских пограничных отношений с развитием связей Индии с Пакистаном[62]. Проблема Таванга индийскими учеными обычно рассматривается в контексте спорных аспектов восточного сектора[63]. В последнее время выходит все больше официальных и новостных сообщений, касающихся ситуации с Тавангом, что в очередной раз подчеркивает актуальность предпринятого нами исследования[64].

Ко ***второй группе*** следует отнести публикации, выходящие в странах Запада, а также в таких регионах, как, например, Тайвань. Их мы подразделяем на две подгруппы.

В первой подгруппе – работы китайских и тибетских ученых, живущих за пределами КНР. Так, ученые-китайцы указывают на взаимосвязь внешней и внутренней политики Пекина[65]. В странах Запада издается мно-

---

[58] R.S. Kalha. Tibet as a Factor in Sino-Indian Relations Past and Present// Journal of Defence Studies. 2012. Vol. 6. Iss. 4. P. 14-15; Bhavna Tripathy. The Tibetan Uprising and Indian Opinion of the Chinese// Journal of Defence Studies. 2012. Vol. 6. Iss. 4. P. 31.

[59] Mehrotra L.L. India's Tibet Policy. An Appraisal and Options. Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 2000.

[60] Claude Arpi. The Fate of Tibet. When Big Insects Eat Small Insects. New Delhi: Har-Anand, 1999; Claude Arpi. The Simla Convention: Ninety Two Years Later//Colonial India: a Centenary Tribute to Prof. K.K. Datta. Edited by Prof Surendra Gopal. Veer Kunwar Singh University, Arrah, 2006.

[61] Stobdan P. Chinese Checkers in the Himalayas: Revisiting Sino-Indian Relations// Strategic Analysis. 2008. № 32. Iss. 5; Srinath Raghavans. Sino-Indian Boundary Dispute, 1948-60. A Reappraisal// Economic and Political Weekly, September 9, 2006; Dutta, Sujit. Revisiting China's Territorial Claims on Arunachal// Strategic Analysis. 2008. № 32.

[62] Mohan, C. Raja. Soft Borders and Cooperative Frontiers: India's Changing Territorial Diplomacy Towards Pakistan and China// Strategic Analysis. 2007. Vol. 31. Issue 1.

[63] Mehrotra L.L. India's Tibet Policy. An appraisal and options. New-Delhi, 2000; Deepa Karthikeyan. The Role of the North-East Frontier Agency in Sino-Indian Relations// India China Relations. Changing Profile in the 21st Century. Ed. by Y. Yagama Reddy. New Delhi, 2012.

[64] 5 Air Strips to Come up on China Border Next Month. 09.09.2015. URL: http://www.newindianexpress.com/nation/5-Air-Strips-to-Come-up-on-China-Border-Next-Month/2015/09/09/article3018212.ece; China provokes India again, its troops enter Arunachal Pradesh and camp for 3-4 days: reports. 22.08.2013. URL: http://www.ndtv.com/article/india/china-provokes-india-again-its-troops-enter-arunachal-pradesh-and-camp-for-3-4-days-reports-408683; Dispute over Tawang Blocking India China Border Talks// Indian Express. 2008. August 12.

[65] Ch'ien-peng Chung. Domestic Politics, International Bargaining and China's Territorial Disputes. London, 2004.

го работ по обсуждаемым в диссертации вопросам. Растет понимание того, что позиции ЦТА зависят не только от мнения Далай-ламы, но и от процессов, происходящих в диаспорном тибетском сообществе[66]. В работах ученых – этнических тибетцев, проживающих в Индии и других странах, Тибет показан как жертва агрессивной политики Китая либо как разменная монета в китайско-индийских отношениях[67]. Д. Норбу изучает ситуацию с Тибетом в контексте индийско-китайских отношений[68], П. Стобдан выделяет вопросы безопасности во всем гималайском регионе[69]. Вероятно, самой капитальной работой является труд В.Д. Шакабпы[70], уже полвека он сохраняет свою значимость ввиду массы использованных источников и роли самого автора в событиях в Тибете в 1950-х гг.; в книге преобладают анти-китайские подходы в оценке событий, связанных с китайско-тибетскими отношениями.

В следующей подгруппе – работы западных исследователей. А. Ламб одним из первых изучал китайско-индийский конфликт[71]. К их числу относится и Я. Верцбергер[72]. В работах тех лет, как правило, критикуется Китай, вероятно, ввиду трудностей, через которые страна проходила после реформ Мао. Н. Максвелл изучает договора между Англией, Китаем, историю появления ЛМ, обретение независимости Индией и далее сам конфликт 1962 г.[73]

М. Сали изучает Аруначал-прадеш, этнический состав, экономику и т.п., и заключает, что ЛМ – это естественная административная и традиционная граница между Китаем и Индией[74]. Исторические вязи между Китаем и Тибетом, их современное состояние являются предметом изучения известного американского тибетолога Э. Сперлинга[75]. К. Макгранахэн по-

---

[66] Avedon J. In Exile from the Land of Snows. New York,1986; Frechette Ann. Constructing the State in the Tibetan Diaspora// State Making in Asia. Ed. by Richard Boyd and Tak-Wing Ngo. London, 2006.

[67] Dawa Norbu. China's Tibet Policy. Surrey: Curzon Press, 2001; Tsering Topygal. Charting the Tibet Issue in the Sino-Indian Border Dispute// China Report. 2011. Vol. 47. № 2.

[68] Dawa N. Tibet in Sino-Indian Relations: The Centrality of Marginality// Asian Survey. November, 1997. Vol. 37. № 11.

[69] Stobdan P. Tibet and the Security of Indian Himalayan Belt// Himalayan Frontiers of India: Historical, geopolitical and strategic perspective. Edited by K. Warikoo. London/ New York, 2009.

[70] Шакабпа В.Д. Цепон. Тибет. Политическая история. СПб., 2003.

[71] Lamb, Alistair. The China–India Border: The Origins of the Disputed Boundaries, London: Oxford University Press, 1964; Lamb, Alastair. The Sino-Indian Border in Ladakh, Canberra: Australian National University Press, 1973.

[72] Vertzberger Yaacov Y.I. Misperceptions in Foreign Policymaking: The Sino-Indian Conflict, 1959-1962. Boulder, Colorado, 1984.

[73] Neville Maxwell. India's China War, 3rd ed. Dehra Dun: Natraj Publishers, 1997. URL: http://philoshistorydepartment.weebly.com/uploads/1/2/8/7/12870319/indias_china_war_neville_maxwell_natraj_publishers_1997.pdf

[74] Sali M. L. India China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector. APH Publishing Corporation. 1998. P. 162.

[75] Elliot Sperling. The Tibet-China Conflict: History and Polemics. Washington DC, 2004.

казала историю сопротивления тибетской армии и отмечает, что нельзя сохранять идентичность и культуру региона без знания имперской истории[76].

Отношениям между Китаем и Индией посвящены работы Дж. Гарвера[77] и др.[78] Д. Анандом создан сайт, посвященный индийско-китайской пограничной проблеме[79]. Должное внимание он уделяет Тибету[80]. Западные ученые по-разному оценивают перспективы китайско-индийских пограничных проблем в контексте тибетского фактора. Как отрицательную рассматривает Т. Грюнфельд роль Далай-ламы в отношениях между КНР и Индией[81]. Трудности и достижения Тибета изучаются А. Фишером[82], в части активности тибетцев в Индии – А. Фречетт[83]. П. Кальвокоресси считает, что китайско-индийский конфликт затрагивает обширный регион от Кашмира до Непала[84]. Распад СССР и в целом позитивное воздействие этого события на пограничный спор также был отмечен учеными Запада[85]. Автор привлекает и труды западных исследователей по отдельным вопросам тибетской истории[86].

Немало монографий и сборников статей по изучаемым темам издавалось в СССР и продолжают выходить в России – они составляют ***третью группу*** публикаций.

М.С. Капица изучал специфику китайского социализма и пытался понять причины решений руководства КНР в отношении СССР, Индии и

---

[76] McGranahan Carole. Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War. Duke University Press, 2010.

[77] Garver, John W. Protracted Contest: Sino-Indian Rivalry in the Twentieth Century. Oxford University Press, New Delhi, 2001; Garver, John W. China's Decision for War with India in 1962// New Directions in China's Foreign Policy. Edited by Alastair Iain Johnston and Robert S. Ross. Stanford: Stanford University Press, 2006; Garver, John. The Unresolved Sino-Indian Border Dispute: An Interpretation// China Report. 2011. Vol. 47. №. 2.

[78] David Scott. Sino-Indian Security Predicaments for the Twenty-First Century// Asian Security. 2008. Vol. 4. № 3. URL: http://dx.doi.org/10.1080/14799850802306468; Steven A. Hoffman. India and the China Crisis. Berkeley: University of California Press, 1990.

[79] URL: https://chinaindiaborderdispute.wordpress.com/articles-on-sino-indian-border-dispute/

[80] Dibyesh Anand. Geopolitical exotica: Tibet in western imagination. University of Minnesota Press, 2007; Dibyesh Anand. Remembering 1962 Sino-Indian Border War: Politics of Memory// Journal of Defence Studies. 2012. Vol. 6. Iss. 4.

[81] Grunfeld Tom. The United States and Tibet// The Collection of paper Abstracts of 2001 Beijing Seminar on Tibetan Studies. Beijing. 2001; Grunfeld A.T. Brief Survey of Tibetan Relations with the United States// Tibet and Her Neighbours: A History. Vol. II. London, 2003.

[82] Fischer Andrew Martin. State Growth and Social Exclusion in Tibet: Challenges of Recent Economic Growth. NIAS Press, Denmark, 2005.

[83] Frechette Ann. Constructing the State in the Tibetan Diaspora// State Making in Asia. Ed. by Richard Boyd and Tak-Wing Ngo. London, 2006.

[84] Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. М., 2000. С.22.

[85] Castro Renato Cruz De. Probing the Bounds of the Post-1991 Sino-Indian Rapprochement: A Focus on the Border Talks // Issues and Studies. 1999. № 3.

[86] John Bray. Ladakhi and Bhutanese Enclaves in Tibet// Recent Research on Ladakh. Ed. by Thierry Dodin and Heinz Räther. Ulmer Kulturanthropologische Schriften Band 8. Ulm: Abteilung Anthropologie, Universität Ulm, 1997.

других стран[87]. Специально внешней политикой КНР занимаются Е.П. Бажанов, В.Я. Белокреницкий[88]. В работах В.П. Нихамина и А.В. Педина индийско-китайским отношениям уделяется значительное внимание[89], в целом об индийской внешней политике писали Ю.П. Насенко, Г.П. Колыхаловой, Г.Б. Горошко.[90] Изучаемая тема затрагивалась в трудах более общего плана[91]. Пограничная проблема – тема научных интересов Е.Д. Степанова[92]. В 2000-х гг. большое внимание стало уделяться комплексному осмыслению отношений между Россией, Китаем и Индией в разных форматах: работы В.Е. Петровского, С. Г. Лузянина, С.И. Лунева, М.Л. Титаренко, С.В. Уянаева и др.[93] В. Терехов уверен: «территориальная проблема остаётся одним из серьёзных препятствий для развития двусторонних отношений»[94]. Более с позиций официального Дели взаимоотношения между Китаем и Индией рассматривает Т.Л. Шаумян[95]. В.С. Кузнецов изучает ранний этап тибетской проблемы и роль китайских и индийских лидеров[96].

---

[87] Капица М.С. КНР: Три десятилетия - три политики. М., 1979.

[88] Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М. 1990; Белокреницкий В.Я. Юго-западное расширение «Большого Китая»// Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3(57).

[89] Нихамин В.П. Очерки внешней политики Индии (1947-1957). М., 1959; Педин А.В. Индия и Китай ищут пути к сотрудничеству. Информационный бюллетень ИДВ РАН №3. М. 1995.

[90] Насенко Ю.П. Дж. Неру и внешняя политика Индии. М., 1975; Колыхалова Г.П. Индия в международных отношениях в Азии// Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после второй мировой войны (1945-1955 гг.). М., 1975; Горошко Г. Б. Борьба в Индии по вопросам внешней политики (1957-1964). М., 1967.

[91] Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после Второй мировой войны (1945-1955). М, 1975; Формирование границ Китая. Китай на западных и южных рубежах. Под общ. ред. М.И. Сладковского. Кн. 2. М. 1977.

[92] Степанов Е.Д. Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949-1994)// Информационные материалы ИДВ РАН. 1996. №1; Степанов, Е. Д. Пограничная политика КНР // Китай в мировой политике. М., 2001.

[93] Петровский В.Е. Сравнительный анализ опыта участия России и Китая в институтах глобального управления// Comparative politics. 2015. 1(18); Лузянин С.Г. Внешнеполитическая модель КНР 2013 года. К вопросу об отношениях Китая с КС, АСЕАН и Индией// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013; Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок// Международная жизнь. Март, 2015; Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке: проблемы, перспективы, направления. В 2-х тт. М., 2004; Лунев С.И. Потенциал сотрудничества в формате БРИКС и культурно-цивилизационный фактор// Сравнительная политика. 2014. № 1; Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов// Вестник МГИМО Университета. 2010. № 1; Уянаев С.В. Росийско-китайское энергетическое сотрудничество: признаки «нового уровня»// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М., 2013. См. также регулярное издание ИДВ РАН «Китайская народная республика. Экономика, политика, культура».

[94] Терехов В.Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние// Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9) – С. 57.

[95] Шаумян Т.Л. Индия и страны БРИКС // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: сб. материалов. М., 2012; Шаумян, Т. Л. Индийско-китайские отношения как фактор международной стабильности // Индия в глобальной политике. Внешние и внутренние аспекты: материалы научного семинара. М., 2003.

[96] Кузнецов В.С. Китайско-индийские отношения 1950-1963 гг. М., 2013; Кузнецов В.С. Китай и Индия в поисках решения территориальной проблемы (последняя четверть XX в.) // Китай в эпицентре глобаль-

По мнению ученых, значение фактора Далай-ламы должно постоянно приниматься во внимание лидерами КНР и Индии[97].

Истории китайско-тибетских отношений посвящены кандидатские и докторские диссертации[98], в них изучаются особенности внешней политики Индии и Китая[99], роль английской администрации в развитии отношений с Тибетом и Китаем[100], влияние англо-русских отношений на события в регионе[101]. Диссертации, близкие к теме нашего исследования, защитили А. С. Клинов, Н.А. Вуль, П.П. Николаев, Ю.О. Толмачев, Чэнь Чжихао[102]. А. Иванько также рассматривал роль Тибета в китайско-индийских отношениях[103]. Среди российских ученых проблематика религиозной истории Тибета, воздействие тибетской культуры на народы, проживающие в настоящее время в России, является чрезвычайно важной. За последние годы в свет вышли интересные публикации А.И. Андреева[104], В.П. Андросова[105], Б.У. Китинова[106].

В работе автор использует новостные материалы из печатных и электронных СМИ России, Китая, Индии, ряда других стран.

Рассмотрение источников и литературы показало, что отношения между КНР и Индией, а также роль и значение в этом Тибета уже получила достаточное освещение. Вместе с тем, нет ни одной работы, где бы спе-

---

ных проблем АТР. Тезисы докладов XX Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 16-18 октября 2013 г.). М., 2013.

[97] Кузнецов В.С. Китайско-индийские отношения и Далай-лама XIV// Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть. 2. Вып. 6. М., 2012.; Люлина А.Г. Проблема поиска реинкарнации Далай-ламы XIV в Китае// Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2015. №4.

[98] Беспрозванных Е. Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII - XVIII вв. Дисс… д.и.н. Волгоград, 2001; Гарри И. Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете. Дисс… д.и.н. Улан-Удэ, 2009.

[99] Гукасова Н. И. Религиозно-этические истоки и основные направления внешней политики Республики Индия :1947-1964. Дисс… к.и.н. М., 2004; Ефимова О. А. Внешняя политика Временного правительства Индии. Дисс… к.и.н. Владимир, 2011; Муратшина К.Г. Становление и эволюция стратегического партнерства РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. Дисс… к.и.н. Екатеринбург, 2014.

[100] Лукьянова В. А. Политика Великобритании в Тибете: 1903-1948 гг. Дисс… к.и.н. Волгоград, 2005.

[101] Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70-90-е годы XIX века. Дисс… к.и.н. Санкт-Петербург, 2004; Сальникова А. В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX - начале XX века. Дисс… к.и.н. Владимир, 2009.

[102] Клинов А. С. Политический статус Тибета и позиция ведущих мировых держав, 1914 г. - конец XX в. Дисс… д.и.н. Краснодар, 2001; Вуль Н.А . Политическая история Тибета во время правления Далай-ламы XIII (1895 - 1933). Автореферат… к.и.н. СПб., 2007; Николаев П.П. Индийский фактор во внешней политике КНР (1949-1962 гг.). Дисс… к.и.н. СПб., 2016; Толмачев Ю.О. Китайско-индийские отношения в конце 40-х – начале 60-х годов XX века. Дисс… к.и.н. Рязань, 2016; Чэнь Чжихао. Китайско-индийские отношения конца XX – начала XXI вв. (1988-2014). Дисс… к.и.н. М., 2015.

[103] Иванько А.И. Политика Китая в отношении Индии :конец 80-х гг. XX в. - начало XXI в. Дисс… к.и.н. М., 2007; Иванько А. И. Китайско-индийский территориально-пограничный спор 1988–1998 гг. URL: http://www.humanities.edu.ru:8104/db/msg/35387

[104] Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб, 2006.

[105] Андросов В.П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М., 2011.

[106] Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII-XVII вв.). М., 2004.

циально рассматривалась роль Таванга как важного региона, в т.ч. с учетом будущей инкарнации Далай-ламы, особого участника китайско-индийского диалога. Инициативы Далай-ламы (отказ от политических функций, заявления о следующей инкарнации и др.), также влияют на ситуацию в Тибете и развитие китайско-индийских отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отношения между Китаем и Индией прошли через сложный период в первой половине XX в. Они не были тесными, что было характерной чертой в истории взаимодействия этих стран, однако английская колониальная политика способствовала их определенному сближению, особенно в таком сложном в историко-культурном плане регионе, как Тибет. Симлская конференция (Xi mu la hui yi) 1914 г. привела к формальному установлению т.н. Линии Макмагона, не имевшей четкую привязку к местности и определенной представителем Великобритании без надлежащих исторических (документальных) оснований. Образование КНР и независимой Индии не разрешило пограничных проблем и углубило недоверие между странами.

2. Китайско-индийская граница исторически никогда ранее не определялась. В XX в. она сформировалась под влиянием наследия британской колониальной политики, при этом имели место попытки индийского правительства закрепить за собой земли, исторически принадлежащие Китаю, либо имеющие спорный статус (Таванг, Аксай-чин). Пограничная ситуация осложняется также особыми обстоятельствами: проблемами во внутреннем развитии этих стран, интересами других региональных и мировых игроков.

3. Руководство КНР стремилось мирными способами урегулировать пограничный спор, однако они были восприняты премьером Дж. Неру как проявление слабости Китая, что в итоге спровоцировало пограничную войну 1962 г. После разгрома индийской армии, для достижения мира и последующих переговоров, в Восточном секторе НОАК вернула Индии занятые территории (Таванг). Усиленная милитаризация региона не способствует полноценной реализации достигнутых соглашений по сохранению мира и доверия на границе.

4. Тибет имеет важное геополитическое значение. Вхождение Тибета в состав КНР было негативно воспринято в Индии, и повлияло на решение Дж. Неру позволить Далай-ламе в 1959 г. осесть в стране и создать Центральную тибетскую администрацию (ЦТА) (Xi zang liu wang zheng fu). В связи с интернационализацией тибетской проблемы, вопрос о статусе Тибета стал значимым фактором политики, и до сих пор оказывает воздействие на развитие китайско-индийских отношений. С конца 1970-х и до начала 2000-х гг. шли переговоры, сблизившие позиции руководства КНР и Далай-ламы по тибетской проблеме; вероятно, в скором времени они возобновятся.

5. Южный Тибет (Таванг) и Далай-лама – это основные составные тибетского фактора в китайско-индийских отношениях современного периода. Таванг обладает целым рядом важных показателей: полезными ископаемыми, геостратегическим потенциалом, коммуникативными возможностями. Он исторически был частью единого тибетского государства, что и обусловило рождение здесь Далай-ламы VI. Образование на его территории (в восточном секторе) штата Аруначал-прадеш затрудняет ситуацию; тем не менее, сохранение линии фактического контроля (ЛФК) (Shi ji kong zhi xian) и последовательное разрешение вопросов по ЛМ в состоянии сблизить позиции сторон и закрыть на этом участке взаимные территориальные претензии.

6. Заявления Далай-ламы о возможном «перерождении» за пределами КНР либо демократическом избрании очередного Далай-ламы, и мнение руководства КНР о его очередной инкарнации на территории страны, позволяют предположить, что институт тибетского духовного лидера находится в критической стадии своего развития. Тем не менее, существующий взаимный интерес Далай-ламы и руководства КНР в обнаружении единой инкарнации Далай-ламы, вероятно, не только позволит найти компромисс по этой специфической проблеме, но и приблизиться в ближайшей перспективе к разрешению целого комплекса вопросов между КНР и Индией, а также оказать позитивное воздействие на ситуацию в Тибете.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. осуществлён комплексный анализ китайско-индийских отношений в изучаемый период с привлечением как доступных, так и малоизвестных или вновь опубликованных документов, мемуаров, в т.ч. на китайском языке;

2. пограничная война 1962 г. изучена, прежде всего, на событиях в Восточном секторе границы, на основании воспоминаний непосредственных участников тех событий с китайской и индийской сторон, от военных до политических лидеров, при этом особое внимание было уделено местности (городку) Таванг в контексте прохождения ЛМ;

3. с учетом новых материалов и исследований, изучены место и роль Тибета в системе отношений КНР и Индии, проанализировано значение Далай-ламы и его окружения в развитии китайско-индийских отношений;

4. определено влияние тибетской диаспоры (делегации Далай-ламы) на изменения в экономической и культурной политике руководства КНР в ТАР, изучены современные решения и действия центрального правительства по развитию ТАР;

5. исследованы особенности политики правительства Индии в отношении тибетской диаспоры, ЦТА и лично Далай-ламы, в контексте развития китайско-индийских отношений и взаимовыгодного сотрудничества между странами;

6. показана современная милитаризация изучаемого региона, проанализировано влияние ведущих политических сил Индии, а также китайских лидеров, на динамику и содержание китайско-индийских отношений;

7. раскрыто значение Южного Тибета (Таванга) в стабилизации китайско-индийских отношений, рассмотрена вероятность возврата этого региона в состав КНР, его значимость как места возможной инкарнации Далай-ламы. Документы, характеризующие развитие линии КПК в вопросе поиска и признания инкарнаций «живых будд» (Huo fo), позволяют предположить возможную роль Кармапа-ламы и Панчен-ламы в развитии китайско-индийских отношений.

Диссертация является одной из первых работ, специально посвященных китайско-индийским отношениям и роли в них тибетского фактора, а именно Таванга и Далай-ламы, а также ситуации с пограничным спором в восточном секторе. Диссертация вносит существенный вклад в российскую и китайскую историографию китайско-индийских отношений.

Материалы диссертации могут стать основой для разработки курсов по истории КНР, Индии, истории и современным проблемам китайско-индийских отношений, роли религии в политических процессах. Выводы работы могут быть использованы при аналитических исследованиях текущего состояния и перспектив разрешения тибетской проблемы.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы четыре научных статьи, из них три научные статьи в изданиях, входящих в перечень рецензируемых изданий, установленный ВАК РФ. По вопросам, изучаемым в диссертации, автор выступал на Межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох» (2011, 2012, РУДН).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень научной разработанности проблемы, формулируются объект и предмет исследования, определяются цели и задачи исследования, методологические основания, научная новизна и практическая значимость диссертации.

В первой главе «**Эволюция китайско-индийских отношений и Тибет**» автор рассматривает развитие отношений между Китаем и Индией в контексте роли Тибета.

В первом параграфе **«Отношения между Китаем и Индией в 1940-х – 1950-х гг.»** изучаются особенности указанного периода в китайско-индийских отношениях. Уже в первые годы существования независимой (с 1947 г.) Индии предстояло столкнуться с межобщинными разногласиями, противоречиями в политических силах и др. В Китае ситуация также была сложной: падение Циньской династии в 1911 г., гражданская война и ин-

тервенция Японии. 1 октября 1949 г. было провозглашено образование КНР (Zhong huo ren min gong he guo).

Изучив позиции представителей Великобритании, Китая и Далай-ламы на Симлской конференции 1914 г., автор согласен с Д. Анандом, что Чэнь Ифань не знал о намечаемых границах между Индией и Тибетом. Он отверг предложение Г. Макмагона о разделении Тибета на Внешний и Внутренний, в итоге проект конвенции был подписан Г. Макмагоном и тибетским представителем Шатрой. К соглашению прилагалась карта, но их было три разных варианта (ЛМ), по-разному трактовавших принадлежность Таванга к Тибету (Ч. Белл, Лю Сюечэн). После вступления НОАК в Тибет в октябре 1950 г. попытки парламента Индии пересмотреть отношения с Китаем были пресечены Дж. Неру; Индия и Великобритания отказались обсуждать тибетский вопрос в ООН.

Мао Цзэдун считал, что Индия хотела создать из Тибета буферную зону; вероятно, Дж. Неру переговорами о статусе Тибета пытался закрыть тему спорных территорий. В 1954 г. было подписано соглашение (основа - 5 принципов Панчашилы) (He ping gong chu wu xiang yuan ze): 1. Территориальная целостность и суверенитет, 2. Ненападение, 3. Невмешательство в дела друг друга, 4. Равенство, 5. Мирное сосуществование. Несмотря на некоторое улучшение отношений, они осложнились с 1956 г., когда Чжоу Эньлай озвучил вопрос о границе (восточном секторе), а в 1958 г. Дели заявил о претензиях на Аксай-чин (A ke sai qin) (западный сектор).

По мнению китайской стороны, документы британского периода надо было пересмотреть, т.к. Китай и Индия тогда не были независимы. Стороны согласились о наличии трех неурегулированных пограничных участков: восточного, центрального и западного. Восточный сектор (ЛМ) (Dong duan) – участок между Бирмой и Бутаном (850 км.): Пекин вел границу по южным склонам Гималаев, Дели поднимал севернее, захватывая Южный Тибет. Центральный участок (Zhong duan) (Непал- Спити, 640 км.) в целом был урегулирован Соглашением 1954 г. В западном (Xi duan) (Спити - перевал Каракорум) спорным вопросом был Аксай-чин: если вести линию по хребту Каракорум, то это – территория КНР, если по хребту Куньлуня – то Индии.

17 марта 1959 г. Далай-лама бежал в Индию. Неру был уверен, что развитие событий в Тибете не связано с определением границ, и что в обмен на признание Тибета частью КНР Пекин признает границы и особый характер отношений Индии с гималайскими странами (Бутан, Непал, Сикким). В целом, политика Неру в отношении КНР после ввода НОАК в Тибет исходила из трех принципов: безопасность Индии; признание власти Китая в Тибете; дружба с Пекином в контексте «азиатской солидарности». По мнению В. Датта, противоречивые подходы Неру к тибетской проблеме были следствием его желания добиться дружбы с Пекином, что якобы позволило бы решить все остальные вопросы. Китайские специалисты счита-

ют, что сложные отношения между странами в тот период определялись «корыстными интересами» Индии.

Параграф «**Тибет и Китай: исторические контакты и возвращение в состав КНР**» специально посвящен Тибету, много веков имевшим тесные контакты с Китаем.

Религия всегда имела важное значение для Тибета, этот момент стал особенно значим после появления института Далай-ламы в 1578 г. Пятый Далай-лама Наванг Лобсан Гьяцо (A wang luo sang jia cuo) в 1642 г. стал светским и духовным лидером Тибета, это было подтверждено при его встречах с императором Шунь-чжи в начале 1650-х гг. Императоры влияли на далай-лам, известна их роль в реорганизации управления Тибетом после джунгарской оккупации и непало-тибетской войны (XVIII в.). Продвижение англо-индийских войск в 1904 г. в Тибет вынудило Далай-ламу XIII Тубдэн Гьяцо (Tu deng jia cuo) бежать из Лхасы в Ургу (Внешняя Монголия); в конце 1909 г. он вернулся в Лхасу через Пекин, где ему вновь вручили титул, отобранный ввиду бегства. В начале XX в. роль Китая в Тибете снизилась ввиду кризиса Цинской династии и гражданской войны.

В период отсутствия Далай-ламы лхаские чиновники подписали соглашение с англичанами, фактически позволившим им находиться в Тибете. По мнению Ц. Шакабпы, его содержание позволяет трактовать Тибет как независимое государство, но Фань Минсин считает, что тибетцы не имели права подписывать его ни от своего имени, ни от имени Пекина. Вероятно, поэтому позже Великобритания подписала отдельные договора с Китаем (1906, 1908) и Россией (1907), где оговаривались значение китайского управления в Тибете и интересы Лондона. Пекин направил отдельные воинские части в Лхасу; Далай-лама 30 января 1910 г. вновь бежал, но уже в Индию. После Синьхайской революции в 1912 г. Китай вывел свои войска, а в феврале 1913 г. Далай-лама объявил о независимости Тибета. Ситуация сохранялась такой вплоть до конца 1940-х гг., когда образовались независимые Индия и КНР. Мао в октябре 1950 г. направил части НОАК в Тибет. 15-летний Далай-лама XIV Тензин Гьяцо (Dan zeng jia cuo) принял всю полноту власти и, не найдя поддержки в ООН по вопросу независимости, послал делегацию в Пекин, где в 23 мая 1951 г. был подписан «Договор из 17 пунктов» (<<Shi qi tiao xie yi>>), по которому Тибет вернулся в состав Китая. Договор сохранял в Тибете политическую систему, положение и роль Далай-ламы, который стал зам. Председателя Постоянного комитета ВСНП (Quan guo ren min dai biao da hui), а Панчен-лама – членом этого Комитета.

Государство направило немало средств на экономический подъем Тибета и гарантировало невмешательство в дела религии (zheng jiao fenli de yuanze). Важно отметить, что Пекин считал Тибетом территорию, где признавалось политическое влияние Лхасы – это центральный Тибет, отличая его от «этнографического» Тибета – районы с тибето-язычным насе-

лением в провинциях Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юннань: так, тибетские районы Амдо и Кам вошли в состав Китая еще до прихода к власти КПК. В 1956 г. Далай-лама, будучи в Индии, просил Дж. Неру остаться в стране, но получил отказ. В марте 1957 г. он вернулся в Тибет, где ситуация была непростой: реформы шли медленно, в ряде мест возникли партизанские движения. Ситуация осложнилась в марте 1959 г., когда НОАК утром 17 марта использовала артиллерию в Лхасе против народа, что было сделано без ведома руководства КПК; Далай-лама бежал в Индию. Вскоре местное правительство в Лхасе было упразднено, а Далай-лама создал т.н. Тибетское правительство в изгнании, позже названное ЦТА. Дж. Неру потребовал от Далай-ламы отказаться от идеи независимости и ограничиваться требованиями автономии. События 1959 г. ознаменовали начало нового этапа в отношениях между КНР и Индией.

В параграфе **«Китайско-индийская война 1962 г.»** изучаются события, связанные с пограничной войной между Китаем и Индией осенью 1962 г.

По обретению независимости Индия стала занимать земли, данные на картах англичан как индийские. Уже в феврале 1951 г. в Таванг прибыли члены индийской администрации. Протесты Лхасы были проигнорированы, а Пекин извещен о принадлежности Таванга Индии согласно ЛМ, что там живут монба, и регион подчинялся Лхасе религиозно, но не политически. По мнению Пекина, в Таванге живут этнические тибетцы, административно подчинявшиеся Лхасе.

Серьезные споры случились во второй половине 1950-х гг. когда и в Китае, и в Индии вышли карты, где часть спорных земель была показана в их составах (Максвелл, Ананд). На западном секторе индийские погранпосты, согласно политике forward policy, стали продвигаться севернее. Переговоры ни к чему не привели; 20 октября 1959 г. индийские части в Ладакхе были разбиты НОАК. Осенью 1959 г. и весной 1960 г. Чжоу Эньлай предлагал варианты для разрешения конфликтной ситуации, но безрезультатно. Стороны сооружали новые блокпосты, при этом индийцы также продвигались и в восточном секторе, в т.ч. севернее ЛМ. По мнению Н. Максвелла, готовность Пекина на включение Таванга в состав Индии показывало, что КНР не хотела проблем на ЛМ, что, однако, было истолковано Дж. Неру как возможность подобного разрешения всей пограничной проблемы. Ситуация для КНР ухудшалась: в Индии были созданы воинские части из тибетцев, США готовили тибетцев-диверсантов; были волнения в Синьцзяне и сложности политики «большого скачка»; была угроза нападения Тайваня, ухудшились отношения с СССР. Индия надеялась возглавить Движение неприсоединения как третий центр силы в мире. Сложности заключались также в самой концептуализации Тибета в китайско-индийских отношениях, т.к. и китайцы, и индийцы ссылались на исторически давние связи с Тибетом. Индийцы требовали вывода НОАК из Аксай-чина как

условия для начала переговоров. Руководство КНР решило, что мирные попытки достичь соглашения оказались безрезультатны.

8 сентября 1962 г. части НОАК перешли ЛМ у хребта Тхагла. Индийцы не были готовы, у них не было коммуникаций, не хватало боеприпасов и вооружения. Большой проблемой для них был захват противоположного берега р. Намка-чу. Атака, предпринятая 10 октября силами Раджпутского, Гуркхского и Панджабского батальонов, результатов не принесла. 20 октября НОАК начала наступление как на ЛМ, так и в Ладакхе – так началась пограничная война 1962 г. На восточном фронте НОАК заняла Кинземане, Дхола, Цангдар, перевал Бумла и Таванг. 16 ноября крупные силы индийских войск вновь были разбиты. 22 ноября Пекин в одностороннем порядке вывел войска на 20 км. от ЛФК по состоянию на 7 ноября 1959 г. Таванг вновь был занят индийцами. Такое развитие событий позволило Д. Ананду предположить, что целью войны было наказание Индии. КНР и Индия потеряли, соответственно, 1400 чел. и 3120 чел. убитыми.

Эта война осложнила отношения между КНР и Индией, сблизила КНР и Пакистан. В китайской историографии война известна как «самооборона с контратаками» (ziwei zhanzheng, ziwei fanjizhan или ziwei huanjizhan), которая произошла по вине индийской стороны. По мнению Индии, причина войны – китайская экспансия в Тибет. Видимо, Дж. Неру хотел обретения Тибетом известной автономии в составе КНР в обмен на поддержку интересов КНР по разным мировым вопросам (война в Корее, статус Тайваня и др.). Таким образом, изучение причин войны 1962 г. позволяет определить фактор Тибета как сущностный, а роль лидеров Китая и Индии как продиктованную региональными и глобальными противоречиями и конфликтами.

Вторая глава **«Тибетский фактор в политике КНР и Индии»** посвящена значимости тибетского вопроса как для отношений между этими странами, так и для судеб самого Тибета.

Параграф «**Тибетский фактор в отношениях между Китаем и Индией в последней трети XX в.**» рассматривает роль гималайских регионов в переговорном процессе, проблемы и достижения в отношениях между Китаем и Индией в указанный период. Основной проблемой было определение ими интересов в Тибете – как своих, так и другой стороны, что было особенно важно для Индии (Д. Ананд). В 1975 г. Индия аннексировала Сикким; на негативную реакцию Пекина Дели вновь заявил о своем признании Тибета частью Китая. Несколько позже Дэн Сяопин предложил премьеру Ваджпаи принять существующую ЛФК за свои границы. В начале 1980 г. премьер Индира Ганди выразила готовность сесть за стол переговоров, осложнившихся в 1986 г. решением Индии создать в восточном секторе штат Аруначал-прадеш, куда вошел Таванг. Он занимает стратегически важное место, богат сырьем, поэтому его значимость вновь актуализировалась (Л. Мехротра).

Вопрос с Тавангом следует рассматривать в контексте с аналогичными местами в Гималаях, где вопрос принадлежности территорий часто был сложным. Так, правительство Далай-ламы не могло окончательно разрешить споры о подчинении Лхасе, например, с. Минсар у оз. Маносаровар; местами власти Кашмира и Тибета имели проблему двойного налогообложения (Дж. Брэй). Примерно то же было и с Тавангом: в 1930—1940-х гг. англичане пытались вытеснить оттуда представителей Лхасы, однако Далай-лама не соглашался с таким решением. Монастырь Таванга продолжал отсылать все сборы в лхаский монастырь Дрепунг.

В начале 1987 г. руководство КНР предложило Индии вернуть территорию штата Аруначал Китаю в обмен на уступки в западном секторе. Улучшение ситуации стало возможным с конца 1987 г., когда стороны договорились не ограничиваться пограничными вопросами, но обсуждать развитие отношений в целом; были созданы рабочие группы по торгово-экономическому, научно-техническому и др. взаимодействию. Кроме того, индийские власти осудили несколько тибетцев за антикитайскую деятельность, а в конце 1988 г. была создана Объединенная рабочая группа по пограничному вопросу. Но ситуация осложняется сменой руководства Индии, когда в составе коалиционных правительств встречаются и те, кто стоит на жестких позициях в отношении КНР. Вопрос заключался не просто в споре за определенную территорию – конечной целью всех переговоров было урегулирование тибетской проблемы.

В конце 1991 г. Индию посетил премьер Ли Пэн; распад СССР в целом благотворно сказался для китайско-индийских отношений: участились встречи рабочих групп, налаживалась прямая связь между штабами, росло трансграничное экономическое сотрудничество, подписаны «Соглашение о поддержании мира и спокойствия в пограничных районах вдоль линии фактического контроля» (7.09.1993), «Соглашение о создании мер доверия в военной области вдоль линии фактического контроля в районах китайско-индийской границы» (29.11.1996) и др. В них определялись количество и качество ВС по обе стороны ЛФК, условия маневров, способы общения между пограничниками и др.

С приходом партии Бхаратия Джаната парти к власти в Индии в конце 1990-х гг., политический курс Дели в отношении Китая стал резко изменяться. Так, шла усиленная модернизация индийских ВС, в т.ч. у границы, а в мае 1998 г. Индия провела ядерные испытания, что вызвало негативную реакцию в Пекине и вновь осложнило переговорный процесс. Прогресс начался с января 2001 г., когда Дели посетил бывший премьер Ли Пэн. Стороны стали сближать свои позиции, что отвечало взаимным интересам: для Пекина – это ситуация в ТАР, СУАР, угрозы глобального терроризма, для Дели – сепаратизм в северных регионах, что привело к созданию там штатов Джаркханд, Уттаранчал и Чхаттисгарх.

Параграф «**Далай-лама и развитие тибетского вопроса»**. «Тибетский вопрос» имеет разные толкования, в зависимости от позиций сторон. Свою роль в его развитии играет Далай-лама, а также воссозданные ЦТА и «Тибетский парламент в изгнании» («Ассамблея народных депутатов Тибета»), расположенные в штате Химачал-прадеш (Дхарамсала).

С целью улучшения отношений, Дэн Сяопин в марте 1979 г. предложил Далай-ламе высылать свои делегации в Тибет для оценки ситуации на местах. Уже в августе первая делегация посетила пров. Амдо, Лхасу, Шигацзе и ряд сел. В 1979-1980 гг. было три поездки таких делегаций по Тибету, информацию передали Далай-ламе и руководству КНР. В результате в Пекине в начале 1980 г. собралась Первая Рабочая встреча по Тибету. После поездки Ху Яобана по Тибету в мае 1980 г. были проведены кадровые перестановки и объявлено о реформах. В 1982 г. новая делегация предложила дать Тибету тот же статус, что и Тайваню, но предложение отклонили, т.к. Тибет «уже освобожден». В ответ ЦТА объявила о невозможности визита Далай-ламы в Китай в 1985 г., как было оговорено ранее. Когда стало ясно, что Дхарамсала не готова к результативным переговорам, лидеры КНР решили усилить экономическое развитие Тибета. Шанс для Далай-ламы достичь договоренностей с Пекином был упущен: продалай-ламские настроения исчезли, позиция Ху Яобана была раскритикована, а Вторая рабочая встреча по Тибету весной 1984 г. приняла новую стратегию развития Тибета, в т.ч. в сфере культуры и языка. Рост ВВП ТАР в 1990-х и начале 2000-х гг. временами был вдвое выше, чем в целом по стране. В сфере религии также шли перемены: восстанавливались монастыри и храмы, порушенные в годы «культурной революции», реабилитированы религиозные деятели, создавались научные учреждения по изучению тибетской культуры и т.п.

С конца 1970-х гг. Далай-лама стал совершать зарубежные поездки, в т.ч. в СССР, благодаря чему тибетская проблема интернализировалась. Очевидно, есть связь в динамике между отношениями КНР-Индия и Пекин-Дхарамсала: так, провал пограничных переговоров в 1986 г. совпал с развалом китайско-тибетского диалога. В июне 1987 г. Конгресс США заявил о Тибете как оккупированной стране, а спустя 10 лет в Госдепе появится должность Спецкоординатора по Тибету. В США Далай-лама обнародовал мирный план из 5 пунктов, расширяющий автономию региона и создающий почву для новых переговоров, но они не состоялись. В декабре 1989 г. ему вручили Нобелевскую премию мира. Отношения между Пекином и Далай-ламой ухудшались, в 1995 г. власти КНР утвердили кандидатуру Гьялцена Норбу как инкарнацию Панчен-ламы Чокьи Гьялцена, а Далай-лама был объявлен «врагом Тибета и тибетского народа».

В мае 2002 г. в Пекин прибыла очередная группа представителей ЦТА с «Меморандумом о подлинной автономии для тибетского народа». Диалог длился до 2008 г., когда, ввиду демонстраций в Тибете в связи с

годовщиной событий 1959 г. и Олимпиады в Пекине, Далай-ламу обвинили в нарушении принципа «не поддерживать четыре» (акции: против Олимпиады; за насилие; за террористическую активность; за независимость Тибета), и переговоры прервались. Далай-лама заявил об отказе от дальнейших усилий по нормализации отношений с Пекином, и созыве в Дхарамсале в ноябре 2008 г. съезда тибетцев, проживающих за пределами КНР; делегаты доверили Далай-ламе разрешение вопроса с автономией и поддержали объявленный им «Срединный путь». В марте 2011 г. он сложил свои политические полномочия, их с мая 2011 г. принял на себя юрист из Гарварда тибетец Лобсан Сангай. Далай-лама по-прежнему активен: в 2007 г. он получил Золотую медаль Конгресса, в 2012 г. стал лауреатом премии Фонда Джона Темплтона. С ним встречался президент США Б. Обама, который призвал тибетскую и китайскую стороны к диалогу.

В настоящее время в Индии проживает около 120000 тибетцев, случаи антикитайской деятельности преследуются государством. Индийские власти ограничивают экономическую самостоятельность тибетских монастырей (более 140) и общин, средства на содержание которых поступают в т.ч. из-за границы. Таким образом, осложнения в развитии переговорного процесса и необходимость смены поколений сподвигли Далай-ламу на реформы – он уже не является политическим лидером, ограничиваясь духовной сферой.

Третья глава «**Таванг (Южный Тибет) и Далай-лама в системе китайско-индийских отношений в начале XXI в.**» изучает тему, разрешение которой поможет решить пограничную проблему, по крайней мере, в восточном секторе. Речь идет о Таванге, называемым китайской стороной Южный Тибет, входящим в состав штата Аруначал-падеш.

Параграф «**Таванг в политике Китая и Индии**». По принятию в июне 2003 г. «Декларации о принципах отношений и всестороннего сотрудничества между Индией и КНР», Дели официально и явно признал Тибет суверенной территорией Китая, Пекин признал Сикким частью Индии. Вань Цзицюн, Лю Сюечэн считают 2003 г. началом качественно нового этапа в разрешении спорных вопросов. Стабилизация в целом китайско-индийских отношений связана с разрешением тибетского вопроса, который во многом сместился в регион Таванга. Руководство КНР считает важным вернуть не только Таванг, но весь регион штата Аруначал-прадеш в состав Китая, индийские политики считают проблему надуманной. В 2008 г. Далай-лама также заявил о принадлежности Таванга Индии.

В конце 2010 г. Дели посетил Вэнь Цзябао, но итоговый документ подписан не был, т.к. индийцы предложили в обмен на формулировку о «едином Китае» (принадлежность Китаю Тибета и Тайваня) признать Кашмир частью Индии. Что касается Таванга, то еще в 1961 г. Пекин предъявил старые тибетские документы, где его три региона (Монъюл, Лоюл и Нижний Цаюл) еще с сер. XVII в. считались подчиненными Далай-

ламе. Надо отметить, что пограничные переговоры после 2011 г. постоянно затрагивали тему и Далай-ламы, и Тибета (особенно в контексте Южного Тибета). И китайские, и индийские специалисты отмечают критическую важность тибетского вопроса в виде Таванга (Аруначала, Южного Тибета) для установления доверительных отношений между странами. В апреле 2014 г. было подписано соглашение о регулярных встречах оперативного командования. Это тем более важно, т.к. вдоль границы продолжается наращивание военного потенциала. Обе стороны обвиняют друг друга в модернизации вооружений, случаются отдельные столкновения между пограничниками. В 2010-2012 гг. НОАК провела учения близ границы с использованием ВВС, бронетехники и средств радиоэлектронной борьбы. В ответ индийская армия в 2012 г. также провела на севере страны учения с участием армейского спецназа. В Аруначале развернуты две горные дивизии по 25 тыс. чел., соединения из представителей горных племен, эскадрильи из Су-30МКИ и Миг-21ФМ; до конца 2016 г. в регионе развернут еще одну горную дивизию в 40 тыс. чел. По информации Дели, из северной части Тибета на Индию нацелены ракеты DF-31 и DF-31A, у границы расквартировано около 300 тыс. солдат и спецподразделения НОАК, находящиеся в боевом состоянии круглые сутки. Таким образом, соглашение 2014 г. дало перспективы для стабилизации ситуации.

Имеет место и экономическое развитие гималайского региона: в 2006 г. была открыта железная дорога Пекин-Лхаса, что способствовало включению Тибета в экономику КНР. В 2011-2015 гг. в экономику Тибета планировалось инвестировать 48 млрд. долл.; в 2013 г. среднедушевой чистый доход тибетцев составил 6578 юаней (1059 долл.). На состоявшемся в Лхасе в августе 2014 г. Форуме по развитию Тибета Председатель ВК НПКСК Юй Чжэншэн отметил успехи в развитии ТАР, отдельно было указано на значение культурного и исторического наследия Тибета. Такой акцент на культуре и традициях позволяет индийским специалистам предполагать об углубленном интересе КПК к пост-далай-ламской ситуации на Тибете.

В параграфе «**Далай-лама и традиция перевоплощения тибетских иерархов**» отмечается значимость и взаимосвязь Таванга и Далай-лам. Именно в Таванге родился в 1683 г. Далай-лама VI Цаньян Гьяцо, через Таванг бежал в Индию нынешний Далай-лама. Но более важным представляется иной контекст Таванга – это единственное место за пределами КНР, где рождался Далай-лама. На фоне его заявлений о возможности «инкарнации» не в Китае, можно предположить, что руководство КНР будет требовать вернуть Таванг под свой контроль. Уже введен контроль над порядком признания инкарнаций: в 2007 г. вышло постановление Управления по делам религий, по которому признание «живых будд» возможно только под контролем ЦК КПК. Далай-лама предложил нововведения в порядок поиска и признания своих инкарнаций (например, выборы путем голосования), и даже допустил, что он станет последним Далай-ламой. В ответ

МИД КНР заявил, что такие высказывания говорят о нарушении религиозного ритуала и исторической традиции. Индийские власти не вмешиваются в религиозный спор, предпочитая прогнозировать угрозы национальной безопасности; по их мнению, следует ожидать усиления мер безопасности в Тибете.

Инкарнации – особенность тибетского буддизма, существующая с сер. XIII в., с порядком обнаружения и ритуалом посвящения перерожденца; очередного Далай-ламу искали в пределах Тибета (кроме Далай-ламы IV). Китайские ученые считают, что в вопросе об инкарнации духовного главы Тибета есть немало неверной информации; важно отметить, что центральная власть, особенно после указа 1793 г. о проведении жеребьевки из золотой вазы, оказывала непосредственное влияние на выборы очередного Далай-ламы (жеребьевки не было для XIII и XIV далай-лам, интронизированы в 1879 и 1940 гг.). С конца XX в. традиция была возрождена: были утверждены инкарнации очередного главы Кармапа (1992 г.) и Панчен-ламы (1995 г.). С Кармапа-ламой Огиен Дордже ряд ученых связывает вероятность нахождения компромисса между Дели и Пекином: он в начале 2000 г. отбыл из Тибета в Индию, сблизился с Далай-ламой, стал популярным и имеет шансы стать регентом в пост-далай-ламский период.

В 2010 г. в КНР был принят закон «Меры по управлению тибетским буддизмом», запрещающий вмешательство сторонних сил в тибетские дела после кончины нынешнего Далай-ламы, в начале 2016 г. на сайте Государственного Управления по делам религий вывешен утвержденный список инкарнированных лам. Пекин продолжает выдвигать предложения для возврата Далай-ламы в КНР, поскольку это могло бы во многом упростить ситуацию в Тибете. Так, еще летом 2013 г. была озвучена идея поселения Далай-ламы в Гонконге или Макао, чтобы спустя какое-то время он вернулся в Тибет. В контексте отказа Далай-ламы от политической деятельности возрастает угроза радикальных действий со стороны иных организаций, например, Конгресса тибетской молодежи (КТМ). Индийские ученые допускают появление двух далай-лам: в КНР и за ее пределами, возможно, даже среди тибетской диаспоры в Индии. Такое развитие ситуации может значительно ухудшить отношения между странами, считают они.

В параграфе «**Перспективы Южного Тибета**» анализируются особенности ситуации в регионе и роль разных стран в разрешении пограничной проблемы.

Современные отношения между КНР и Индией не являются достаточно устойчивыми. Китай подозревает Индию в агрессивных намерениях: имели место ввод войск в Бангладеш, Мальдивы, их пребывание на Шри-Ланке и ускоренное перевооружение. По мнению Дели, индийская армия имеет оборонный потенциал, а власти нацелены на мирное разрешение пограничного спора, что нормализует межгосударственные отношения. Основная тревога КНР заключается в отношении Индии к Тибету, т.к. индий-

ские военные наращивают силовое присутствия в Таванге – только оттуда индийская армия, при необходимости, быстро войдет в Тибет. Китайские аналитики уверены в стремлении Дели образовать в Тибете буферное государство. Действительно, участники состоявшегося в июле 2014 г. в Дели семинара экспертов «Симлская конвенция сто лет спустя» высказались за пересмотр тибетского вектора во внешней политике Индии и оказания давления на Китай. Но тибетский фактор небезопасен и для Индии, поскольку в приграничных областях развиты сепаратистские движения. Свою позитивную роль может сыграть и буддизм: между КНР и Индией много лет не было тесных связей в этой сфере. Перемены начались в 2006 г., когда в Лояни возвели храм в стиле древней ступы в Санчи, и китайских буддистов посетила делегация религиозных деятелей из Индии.

Позитивное влияние на отношения между КНР и Индией могут оказать Россия и США, заинтересованные в стабильности в азиатском регионе и в глобальном масштабе. Свою роль играет Пакистан, по ряду причин сотрудничество между ним и КНР ослабевает. Показательно, что обе стороны – и Китай, и Индия – осознают сложность тибетского вопроса и рассматривают его в комплексе с положением дел в регионе и мире.

Новое поколение руководства Китая, вероятно, не будет вносить принципиальные изменения в сложившийся политический процесс урегулирования пограничной проблемы. В целом то же следует отметить и в отношении индийских лидеров. Причем проблема заключается не только в Тибете, но вообще в столкновении интересов этих стран в разных регионах мира – например, в Центральной Азии, в Африке (Цянь-Пэн Чун, Х. Пант). Тем не менее, развивается сотрудничество (в т.ч. в рамках таких организаций, как СААРК, АТЭС и др.), сторонами в последние годы проведены совместные военные учения, в т.ч. на границе (в 2016 г.). Но из-за пограничной проблемы сближение Индии с иными странами (например, США) может подразумевать фактор «многостороннего сдерживания» КНР. Политика КНР заключается в сохранении мирной обстановки с целью завершения модернизации к середине текущего века, однако имеется понимание вероятности трений. КНР поддерживает стремление Индии стать постоянным членом расширенного Совбеза ООН. По мнению Председателя Си Цзиньпина, следует развивать многостороннее сотрудничество, в частности, в торговле. В 2013 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Индии, его импорт превысил 40 млрд. долл., и объемы растут. В развитии стабильных отношений между ними большую роль играет и Россия; активное сотрудничество этих трех стран в разных форматах (ШОС, БРИКС) становится обычным явлением в региональной и мировой политике. Однако следует продолжать поиск новых режимов взаимодействия Китая и Индии, в т.ч. в формате «перезагрузки» отношений.

Заключение

1. Китай и Индия в первой половине XX в. проходили через особый этап общественно-политической жизни: в Китае падение Цин вызвало гражданскую войну и кризис власти в национальных окраинах, в Индии к независимости шли в основном через ненасильственные методы борьбы. По получении независимости в конце 1940-х гг. эти страны столкнулись с задачей определения почти 3000 км. границы, которой ранее фактически не было. Особой проблемой стал Тибет, веками служивший буфером между странами, чьи границы также никогда ранее не уточнялись. Под проблемой Тибета понимают также вопрос об уровне автономии региона, возврата туда Далай-ламы, и ситуации с тибетской культурой.

2. Тибет имеет давние связи с Китаем. Специфика отношений между главами Китая и Тибета развивалась веками, практически все далай-ламы имели тесные отношения с правителями Китая, пользовались их поддержкой и т.п. В свою очередь, контакты Тибета и Индии были ограниченными, хотя также немаловажными. Роль Тибета как приграничного фактора возросла с конца XIX в., ввиду стремления Великобритании укрепить северные границы индийской колонии. Встреча представителей Великобритании, Китая и Тибета в марте 1914 г. в г. Симла привела к подписанию соглашения, которое впервые в истории определило границу (в восточном секторе, где расположен Таванг) между Британской Индией и Тибетом – линию Макмагона. Тем самым тибетский фактор впервые получил особую значимость в китайско-индийских отношениях нового времени.

3. Вступление НОАК в Тибет в 1949 г. повлияло на рост напряженности в китайско-индийских отношениях, а скорые перемены в Тибете в известной мере осложнили там ситуацию, что привело к ряду негативных последствий: так, несмотря на стремление руководства КНР найти общие интересы с тибетской верхушкой, и на заключенный Договор из 17 пунктов (1951), Далай-лама XIV Тензин Гьяцо в марте 1959 г. бежал в Индию. Решение Дж. Неру принять Далай-ламу имело значимые последствия для китайско-индийских отношений, и возрастания в них роли тибетского фактора.

4. Непоследовательная политика Дж. Неру в переговорах по вопросу границы, недоверие руководства КНР к индийским лидерам, которых они подозревали в сохранении агрессивной политики прежних колониальных властей, были среди причин, ухудшивших отношения между странами. Соглашение 1954 г., основывавшееся на Панчашиле, стало хорошим базисом для выстраивания отношений; оно фактически признавало Тибет частью Китая, однако пограничный вопрос в целом оставался нерешенным. Вероятно, восточный сектор границы (Таванг, занят Индией в 1951 г.) не являлся сущностным для КНР, но продвижение Индии в западном секторе (Аксай-чин) спровоцировало актуализацию для безопасности КНР всего тибетского плато, и обострило тибетский фактор в их отношениях. Ситуация привела к пограничной войне 1962 г.

5. После войны 1962 г. и до середины 1970-х гг. отношения между КНР и Индией практически не развивались. Ситуация изменилась в связи с включением Сиккима в состав Индии (1975) и смертью Мао Цзэдуна (1976). Вскоре состоялись взаимные визиты высших должностных лиц в Дели и Пекин, стороны для дальнейших переговоров условились исходить из линии фактического контроля как существующей границы. Новая политика Дэн Сяопина позволила делегациям от Далай-ламы посещать Тибет в 1979-1980-х гг., они помогли скорректировать политику Пекина в ТАР, но, ввиду разногласий между Далай-ламой и руководителями КНР, эта инициатива не получила своего развития. Зарубежные поездки Далай-ламы интернационализировали тибетскую проблему.

6. 1987 г. вновь актуализировал тибетский фактор в китайско-индийских отношениях, т.к. в спорном восточном секторе границы Индией был создан штат Аруначал-прадеш, куда вошел Таванг. Как считает китайская сторона, Таванг является Южным Тибетом, и должен вернуться КНР. По мнению руководства Индии, Таванг исторически был в составе страны, либо передан ей согласно Симлским соглашениям. Несмотря на существенный прогресс в стабилизации пограничной ситуации (Соглашения 1993 г., 1996 г., 2003 г., 2014 г. и др.), а также взаимное сотрудничество в различных масштабах, включая БРИКС, ШОС, «двадцатка», проведение совместных военных учений и др., продолжается милитаризация восточного сектора, обусловленная взаимным недоверием.

7. Далай-лама XIV неоднократно посещал Таванг: здесь родился Далай-лама VI, и это обстоятельство иногда трактуется как возможность для рождения в Таванге его следующей инкарнации. Власти КНР никак не соотносят факт рождения Далай-ламы VI в Таванге с рождением очередного, Далай-ламы XV, в пределах китайского Тибета. Однако, ввиду заявлений Далай-ламы о его следующей инкарнации не на территории Китая, а в «свободном мире», нельзя исключить, что будущем могут быть двое Далай-лам – в КНР и за его пределами (в этом случае может возрасти роль таких молодых тибетских лидеров, как Панчен-лама и Кармапа). Такое развитие событий также может повлиять на сохранение на неопределенное время трудностей в китайско-индийских отношениях и пограничной проблемы в восточном секторе.

8. Для Индии и КНР тибетский фактор, в основном, соотносится с Тавангом и Далай-ламой. Очевидно, что Индия будет удерживать Таванг, с которым Китай связывает проблемы безопасности и стабильности во всем Тибете. Институт Далай-ламы обладает потенциалом сыграть свою позитивную роль не только в отношениях этих стран между собой, но и в стабилизации ситуации в ТАР. Вопросы, связанные с Тавангом и Далай-ламой, остаются сложным и влиятельным фактором в развитии китайско-индийских отношений. Вероятно, в выигрыше пока остается только буд-

дизм, с середины XX в. широко распространившийся по всему миру и играющий свою роль в развитии китайско-индийских отношений.

9. С конца XX в. китайско-индийские отношения развиваются в целом позитивно: расширяются меры доверия на границе, увеличивается объем торговли, в т.ч. приграничной, идет регулярный обмен делегациями; они будут улучшаться через дальнейшее развитие коммерческих связей между странами, взаимодействие в решении региональных и глобальных задач. Для руководителей КНР такое направление и содержание политики выглядит предпочтительнее, чем ускорение в демаркации границы или развитие публичной дипломатии (как, например, в случае с Тайванем). Индия также заинтересована в стабильном развитии своего северо-востока. Свой позитивный вклад в их отношения могут внести Россия, США, другие региональные и глобальные игроки. Китай и Индия стоят перед необходимостью поиска новых сфер совместного сотрудничества и в перспективе решат все имеющиеся проблемы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Чжун Жуй. Ситуация на Тибете в 1950-х гг.: политика Мао Цзэдуна и Далай ламы // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2014. № 2. С. 37-46.

2. Чжун Жуй. Индо-китайская война 1962 г. и послевоенное урегулирование // Национальная безопасность. 2014. № 5 (34). С. 739-759.

3. Чжун Жуй. Южный Тибет (Таванг) в китайско-индийских отношениях // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2015. № 1. С. 99-118.

Публикации в прочих изданиях:

1. Чжун Жуй. Возвращение Тибета в состав КНР и фактор Индии // Геополитический журнал. 2015. № 4 (11). С. 64-69.

Чжун Жуй

Тибетский фактор в китайско-индийских отношениях во второй половине XX – начале XXI вв.

Диссертация изучает влияние и роль тибетского фактора в развитии китайско-индийских отношений во второй половине XX – начале XXI вв., при этом акцентировано значение местности Таванг и роль Далай-ламы XIV. Рассмотрены основные причины, повлиявшие на становление и особенности тибетского фактора как во внутренней, так и во внешней политике Китая и Индии, роль этого фактора в китайско-индийской войне 1962 г., и последующее развитие отношений. Изучены основные документы по теме, проанализированы специфика региона (Таванг) и проблема инкарнации очередного воплощения Далай-ламы.

Rui Zhong

Tibetan factor in Sino-Indian relations at the second half of XX - beginning of XXI centuries

The dissertation is devoted to the role of the Tibetan factor in the development of Sino-Indian relations at the second half of the XX - beginning of the XXI century, with the accent on Tawang district and the role of the Dalai Lama XIV. The author studies the main reasons that influenced the formation and characteristics of Tibetan factor in both domestic and foreign policy of China and India, the role of this factor in the Indo-Chinese War of 1962, and the subsequent development of their relations. The author uses the main documents on the theme, analyzes the specifics of the region (Tawang) and the problem of the incarnation of the Dalai Lama.